

*Ю.Л. Михайлова, Н.В. Промыслов**

ВОСПОМИНАНИЯ О ПОЛЬШЕ И ЛИТВЕ СОЛДАТ ВЕЛИКОЙ АРМИИ¹

На протяжении XVIII – XIX вв. в сознании европейцев происходило конструирование целостного региона, позже получившего название Восточная Европа. К его отличительным чертам можно отнести некое переходное состояние, при котором этот регион от истинно цивилизованного Запада отличало частичное, поверхностное освоение благ цивилизации². Следует при этом учитывать, что само понятие «Восточная Европа» в источниках этого периода еще не встречается, а процесс определения характерных черт этого региона растянулся на несколько десятилетий. Среди стран данного региона особое внимание уделялось России как наиболее сильной и динамично развивающейся державе, а также Польше, которая, несмотря на последствия трех разделов в XVIII в., продолжала существовать в сознании европейцев как отдельное государство. Политики по-прежнему учитывали Польшу как географический регион в своих проектах и расчетах.

Подготовка и поход Великой армии Наполеона 1812 г. в Россию оказали определенное влияние на формирование представлений широких слоев общества об этих территориях. Важнейшим источником сведений об этом обширном регионе стали воспоминания участников похода в Россию. Всего в настоящий момент, по подсчетам исследователей, насчитывается около 130 мемуаров о кампании 1812 г. и еще несколько сотен, где поход описывается как часть более обширных воспоминаний³. Среди авторов мемуаров можно найти маршалов, генералов, интендантов и представителей нижних чинов армии, хотя последних было немного. В настоящем исследовании использованы воспоминания представителей различных социальных слоев, военных профессий и национальностей.

Страсть к познанию мира часто подталкивала людей к вступлению в армию. Перед тем как выступить в новый поход за границу, будущие его

* Юлия Леонидовна Михайлова, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. Николай Владимирович Промыслов, кандидат исторических наук, научный сотрудник ИВИ РАН.

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 8546.

² Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. С. 6–7.

³ Dwyer Ph. G. Public remembering, private reminiscing: French military memoirs and the Revolutionary and Napoleonic wars // French historical studies. Vol. 33. № 2. Spring 2010. P. 239.

участники нередко старались прочитать что-нибудь о странах, куда они направляются или могут направиться. Так, известно, что А. Бейль (будущий писатель Стендаль) читал сочинение Рюльера и, видимо, «Историю России» Леклерка⁴. О составленном заранее мнении о России говорит и врач Великой армии Г. Роос⁵. Среди офицеров Великой армии императора находились те, кто сами сравнивали себя с путешественниками и, жадно читая литературу о путешествиях, перенимали у самых знаменитых авторов их стиль и любознательность. Естественно, это чтение еще до начала похода влияло на их ожидания, предчувствия, формировало взгляд на то, что они увидят в той стране, куда направляются⁶. В 1812 г. более всего взоров было обращено на Россию, так как солдаты Наполеона впервые вступали в пределы этой страны, но немало страниц в мемуарах посвящено также Польше и Литве как составным частям более обширного региона.

Поляки и литовцы: союзники или противники?

В конце XVIII в. Польша – некогда единое государство – оказалась разделена между Россией, Австрией и Пруссией. Из этнически польских провинций двух последних государств Наполеон к 1809 г. сформировал Великое герцогство Варшавское под управлением саксонского короля. Регионы бывшей Речи Посполитой, присоединенные к Российской империи, не имели в ее составе какого-либо структурного единства, однако и для французов, и для российской элиты это по-прежнему были «польские территории». Обе стороны конфликта воспринимали живущее здесь население, в первую очередь дворянство, как потенциальных союзников императора французов, а весь регион «русской Польши» как имевший множество сходных черт с Варшавским герцогством.

Представления о Польше и Литве формировались у участников похода на основании сочинений европейских путешественников, посещавших Польшу, Литву и Россию, а также под влиянием наполеоновской пропаганды, которая в первые месяцы войны уделяла большое внимание вопросу объединения Герцогства Варшавского и Литовского княжества в конфедерацию. Точные планы Наполеона относительно западных губерний Российской империи, так называемой русской

⁴ *Стендаль*. Собр. соч. в 15 томах. М., 1959. Т. 15. С. 44. В письмах будущего писателя есть упоминания о книгах: *Leclerc N. G. de. Histoire de Russie*; *Rulhière Cl.-C. de. Histoire ou anecdotes sur la révolution de Russie en l'année 1762*. P., 1797.

⁵ *Роос Г.У.* С Наполеоном в Россию: записки врача Великой армии. М., 2003. С. 20.

⁶ *Форрест А.* Достойный противник или порочный дикарь? Восприятие врага в эпоху Революции и Империи // *ФЕ* 2012. М., 2012. С. 209.

Польши, остались неизвестны, однако в ряде частных бесед он заявлял, что собирается восстановить Польское государство, не определяя, впрочем, его точные границы. В частности, знаком того, что Наполеон предполагал отделить западные губернии от России, стало то, что во французских газетах сообщения из этих районов стали печататься под подзаголовком «Литва», тогда как ранее сообщения из Вильно попадали в общую рубрику «Россия».

Установка на то, что император французов собирается даровать «свободу» полякам и литовцам в значительной степени определила и отношение представителей Великой армии к этому региону. Польшу и Литву считали безусловными союзниками Наполеона. Так, назначенный Наполеоном Виленским губернатором Диркван Гогендорп писал о том, что Польша, «спокойная и преданная целиком интересам Франции», не доставляла французам никакого беспокойства за весь период кампании⁷. Ф.П. Сегюр в своих воспоминаниях ставил «освобождение» Польши и Литвы едва ли не на первое место среди целей кампании. Поляки в его мемуарах предстают доблестными героями, которые, не задумываясь, отдают жизнь за императора. Пересекая границу, солдаты Наполеона будто бы «слышали радостные крики литовцев при приближении освободителей», а на вопрос казака, который встретил Великую армию на границе и спросил солдат о цели похода, один из французов ответил: «Воевать с вами! Взять Вильну! Освободить Польшу!»⁸ Идея стать гарантом свободы поляков и не допустить поглощения Польши Россией восходит к традициям французской внешней политики XVIII в., в число которых входило поддержание «восточного барьера», предназначенного, в частности, для сдерживания экспансии России.

Накануне подготовки кампании в задачи наполеоновской пропаганды входило доказать, что Россия оказывает дурное влияние на польско-литовские земли, так как, будучи сама варварской страной, ничего, кроме варварства, не может распространить на соседние территории. Важнейшим доказательством вредного влияния России должно было служить сохранение крепостного права. Накануне войны литовцы в описаниях французской разведки предстают народом порабощенным и совершенно бесправным. Так, автор одного из донесений был уверен, что литовцы не боятся попасть в плен, так как их обычное крепостное состояние ничем не отличается от жизни в неволе⁹. Сержант

⁷ Наполеон в России глазами иностранцев. М., 2004. Кн. 2. С. 333.

⁸ Сегюр Ф.П. де. Поход в Россию. Мемуары адъютанта. М., 2002. С. 33, 34, 37, 43.

⁹ Bourlet M., Lucas J.-M. Statistique des gouvernements de Vilna et Grodno. Lituanie // Histoire. 2012. № 267. P. 78–82.

А.Ж.Б. Бургонь отмечал, что польских крестьян казаки насильно загоняли в состав формируемого российского ополчения¹⁰. Хотя тут надо отметить, что и в старых российских губерниях ополчение иногда формировалось под нажимом властей.

Чтобы доказать, что поработанные жители этого края тяготеют к французам-освободителям, один из участников похода, офицер гвардейской артиллерии А. Пьон де Лош писал, что «поляки всем своим энтузиазмом поддерживали императора»¹¹. Адьютант итальянской гвардии Ц. Ложье вспоминал, что «цвет виленской аристократической молодежи... образовал почетную гвардию императора», и много юношей из лучших семей Вильно вступило в армию Наполеона¹². В этих строках Ложье близко к тексту цитирует четвертый бюллетень Великой армии от 30 июня, в котором впервые было заявлено о начале формирования литовских частей. Там также говорилось о том, что аристократия с энтузиазмом поддерживает Наполеона: «Примерно 400–500 молодых студентов, которым едва исполнилось 18 лет, представители благородных семей, изъявили желание сформировать собственный полк»¹³. В мемуарах участвовавших в этом походе поляков вход наполеоновских войск в Литву выглядит как освобождение: «Я... вступил в соседнюю деревню. Жители ее высыпали из своих домов и, стоя на порогах дверей, поднимали руки к небу и благословляли нас. Они видели в нас своих освободителей. Они бросались к ногам наших солдат и обнимали их колени, плача от радости»¹⁴.

Официальная пропаганда стремилась доказать европейцам, что жители западных областей Российской империи добровольно присоединяются к новой власти и готовы ей помогать всеми возможными способами. Французские газеты сообщали, что жители Литвы и Польши поддерживают присоединение к Герцогству Варшавскому и благодарят Наполеона за свое «освобождение»¹⁵. 14 июля 1812 г. на торжественном собрании в вильнюсском Кафедральном соборе было объявлено о восстановлении унии между Польшей и Литвой. Маркиз Пасторе, присутствовавший на церемонии, отмечал, что представители польской и литовской знати были в национальных костюмах, и резюмировал: освободители-

¹⁰ Бургонь А.Ж.Б. Мемуары. М., 2003. С. 137.

¹¹ Наполеон в России глазами иностранцев. М., 2004. Кн. 1. С. 56.

¹² Ложье Ц. Дневник офицера Великой армии в 1812 году / Сост. С.В. Кочнов. М., 2005. С. 18.

¹³ *MoniteurUniversel*. 1812. № 196.

¹⁴ Наполеон в России глазами иностранцев. Кн. 1. С. 49.

¹⁵ *Journal de Paris. Politique, commercial et littéraire*. 1812. № 206; *Moniteur Universel*. 1812. № 205.

французы помогли полякам и литовцам обрести, наконец, отечество¹⁶. При этом следует заметить, что фактически создание единого государства шло очень медленно, поскольку Наполеон в надежде на скорое начало мирных переговоров с Александром I, уклонялся от принятия решения по возрождению Речи Посполитой в границах 1772 г. Несмотря на это, французская пресса писала про объединение двух государств, дабы оказать давление на российское правительство и создать положительный, дружественный Франции образ Польши и Литвы.

Тем большее недоумение испытывали участники кампании, когда сформированный еще до похода образ Литвы и Польши как союзников Наполеона не находил подтверждения на практике. Так, Ц. Ложье вспоминал, что литовские крестьяне покидали свои дома и уводили скот перед приближением армии. «Дома покинуты хозяевами; из них унесено все ценное... К чему этот уход? Эта пустыня подавляет нас. Литовцы – союзники наши или нет? К чему уничтожать перед нашим приходом припасы?»¹⁷ – писал он. Врач французской императорской гвардии де ла Флиз также упоминал, что в Литве Великая армия, вступая в деревни и небольшие города, заставляла брошенных жителями дома¹⁸, и замечал, что солдаты наполеоновской армии ожидали встретить более теплый прием, как, например, в германских землях, где, несмотря на войну, с ними «обходились не по-неприятельски»¹⁹. Важно отметить, что большинство авторов едва ли хорошо разбирались в этнической принадлежности местных крестьян, многие из которых были на самом деле славянского происхождения.

Объяснение такому несколько прохладному отношению к своим «освободителям» дал другой участник похода, генерал Ж.А.Б. Ван Дедем де Гельдер, который вспоминал, что, когда армия остановилась недалеко от Вильно, «гвардия грабила магазины и частные дома», а «жители разбежались и разнесли ужас и уныние по окрестностям»²⁰. Да и сам Ц. Ложье позже отмечал, что жители, которые ранее не были настроены враждебно, начали ненавидеть французов за то, что те забирают у них значительную часть продовольствия²¹.

Ухудшение отношений между Великой армией и населением западных российских губерний повлияло на содержание публикаций во фран-

¹⁶ Наполеон в России глазами иностранцев. Кн. 1. С. 59.

¹⁷ Ложье Ц. Указ. соч. С. 16–17.

¹⁸ Флизде ла. Поход Наполеона в Россию в 1812 году. М., 2003. С. 5–8.

¹⁹ Там же. С. 10.

²⁰ Наполеон в России глазами иностранцев. Кн. 1. С. 51.

²¹ Ложье Ц. Указ. соч. С. 13.

цузской прессе: если в начале кампании газета *Moniteur Universel* уделяла большое внимание объединению Польши и Литвы и подчеркивала, что литовцы и поляки – союзники Наполеона, а польские и литовские провинции готовы взбунтоваться против России и поддержать Великую армию²², то позже, когда эти ожидания не оправдались, такие сообщения появлялись все реже. *Moniteur Universel* последний раз вспомнила о литовских союзниках в первой половине сентября 1812 г.²³ Потеря интереса была связана с тем, что западные губернии Российской империи не оказали той поддержки, которой ждал от них император французов. Уже 1 июля Наполеон отдал приказ сформировать во всех городах Литовского княжества национальную гвардию. А 5 июля вышло распоряжение начать комплектование на территории, подвластной Временной правительственной комиссии, которая осуществляла функции исполнительной власти в Литве, 5 пехотных и 4 кавалерийских полков. Кроме того, из шляхтичей-добровольцев начали формировать 3-й шеволежерский-пикинерский²⁴ полк Императорской гвардии. Однако формирование новых частей шло совсем не так, как того ожидал Наполеон: рекрутов было очень мало, да и многие из тех, кого удавалось привлечь под знамена императора, вскоре дезертировали. Для новых соединений не хватало обученных офицеров, обмундирования и оружия. Когда же во второй половине ноября русская армия вступила на территорию Временной правительственной комиссии, дезертирство в литовских частях усилилось²⁵. Набранные литовские войска в составе разных соединений потерпели несколько поражений, но некоторое количество солдат ушло вместе с остатками Великой армии из пределов Российской империи. В первой половине 1813 г. литовские полки были объединены с другими частями французской армии и перестали существовать как самостоятельные боевые единицы. В целом литовские воинские части не смогли, как на то рассчитывал в начале кампании Наполеон, оказать существенное влияние на исход войны.

Несмотря на некоторые очевидные расхождения действительности с ранее сформированными представлениями и пропагандистскими установками, территория Литвы в период отступления для каждого солдата Великой армии казалась землей обетованной – ведь Вильно был столицей «союзной» страны и центром коммуникаций французской армии на протяжении всей кампании. Надежда добраться до Вильно и остаться в

²² *Moniteur Universel*. 1812. № 196.

²³ *Ibid.* 1812. № 257.

²⁴ Отфранцузского *cheveu-léger lancier*. Вид легкой кавалерии в Великой армии.

²⁵ История Литовской ССР. Вильнюс, 1978. С. 190–191.

живых придавала отступавшим силы, поскольку этот город считался дружественным и располагался заметно ближе к Франции, чем Смоленск, Витебск или Минск. «Если даже у нас не будет мира, мы получим небольшой отдых», – писал 7 ноября граф Межан своей супруге²⁶. «...Нам оставалось идти до города (Вильно) 8 часов, и к нему были устремлены наши самые горячие надежды»²⁷, – вспоминал другой участник похода, Штейнмюллер. «Все были охвачены одной-единственной целью, единственным желанием – как можно скорее добраться до Вильно, на который смотрели как на обетованную землю, где никто больше ни в чем не будет нуждаться»²⁸, – писал Гогендорп. Ложье упоминает, что перед городскими воротами образовалась давка – все спешили поскорее войти в город²⁹.

Ожидания найти в Литве приют были особенно горячи еще и потому, что силы солдат после выхода из Смоленска и особенно после тяжелой переправы через Березину были истощены: «Все, кто вернулся из этой кампании, были согласны со мной, что переход от Березины до Вильно был тяжелее всего остального похода. В продолжение всего перехода мы страдали от голода, усталости, холода...»³⁰ – вспоминал фон Зукков. Однако и здесь их ждало разочарование: еще до подхода основных сил армии город оказался переполнен ранеными, изголодавшимися и обмороженными людьми, и местные власти не справлялись с их размещением. «Был конец ноября. Управление Вильно сделалось невыносимым бременем. В больницах не было самых главных принадлежностей; люди умирали там во множестве, так же как и в различных других помещениях, безо всякой помощи; злоупотребления умножались во всех отделах администрации, со всех сторон город наполнялся народом. Вильно сделался, наконец, настоящим лабиринтом, в котором невозможно было ориентироваться»³¹, – писал комендант Вильно барон Годар.

Население «Русской Польши»

Как всякие путешественники, участники войны 1812 года уделяли в своих воспоминаниях немало места этнографическим зарисовкам о населении тех территорий, по которым они проходили. Определенное вни-

²⁶ Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / Publ. par S.E.M. Goriainow. P., 1913. P. 211.

²⁷ Наполеон в России глазами иностранцев. Кн. 2. С. 310.

²⁸ Там же. С. 339.

²⁹ Ложье И. Указ. соч. С. 149–150.

³⁰ Наполеон в России глазами иностранцев. Кн. 2. С. 336.

³¹ Там же. С. 334.

мание мемуаристы уделили внешнему виду жителей Польши и Литвы, особенностям их жизни и быта. Как отмечает Л. Вульф, путешественники XVIII в., пересекая границу Восточной Пруссии и Польши, как бы переходили из мира цивилизации в мир варварства и характерные для полудикого мира черты замечали практически сразу³². Эти же чувства «испытали» и солдаты Великой армии несколькими десятилетиями позже. Ц. Ложье сравнивал Герцогство Варшавское с Пруссией: «Вступили в Польшу, в Великое герцогство Варшавское; перемена страны отчасти резко бросается в глаза. В Пруссии мы встречали хорошо отстроенные, красивые дома, порядок, чистоту и симметрию внутри. Здесь уже самая внешность возбуждает невеселые чувства»³³.

Но одновременно действительность оценивалась и заново, на основании увиденного собственными глазами, а не только прочитанного ранее. Один из участников похода, врач Г. Роос, признавался, что, вступая в Литву, ожидал увидеть более неприглядную картину, чем встретил на самом деле. При этом Литва показалась ему лучше устроенной, более чистой и благополучной по сравнению с Герцогством Варшавским. «Наше составленное заранее мнение о России и наше малодушие относительно великого предприятия отчасти рассеялись, как только мы заметили, что на другом берегу реки все было иначе и в лучшем состоянии, чем нам приходилось видеть до сих пор в Польше»³⁴. Э. Мунье писал жене из Ковно 25 июня: «Мы остановились в городе у одного русского чиновника. Ты не можешь себе представить насколько это грязный дом. От подвала до чердака здесь царит вонь»³⁵. Важно подчеркнуть, что это письмо относится к самому началу кампании: через два месяца ночлег даже в крестьянской избе вызывал у Мунье уже гораздо меньше недовольства: «Дома в деревнях немногим лучше польских – хижина без трубы для печи, где все расположено в одной комнате. Однако жители здесь не столь бедны и не столь унижены, как литовцы. Это более приятная нация (*gasc d'hommes*), и бороды, которые они носят, длиннее и придают им вид более мужественный и гордый, что им особенно идет. Здесь нет практически ни одного дома, около которого не было бы маленького сада, чего не бывает в Польше»³⁶. Но были и те, кто в своих сочинениях строго следовал за традиционным стереотипами, в соответствии с которыми чем дальше солдаты продвигались на восток, тем беднее и хуже должны

³² Вульф Л. Указ. соч. С. 56, 57.

³³ Ложье Ц. Указ. соч. С. 13.

³⁴ Роос Г.У. Указ. соч. С. 20.

³⁵ *Chuquet A.* 1812. *La guerre de Russie.* Т. 2. Р. 64.

³⁶ *Ibid.* Р. 69.

были становиться селения. Бургонь подчеркивал, что в Литве «бедность несколько менее ужасна», чем в окрестностях Москвы³⁷. Хотя в действительности Московская губерния была одной из самых богатых во всей империи, что подчеркивалось и в данных французской разведки³⁸.

При описании одежды, предметов домашнего обихода жителей Польши и Литвы и других бытовых особенностей нередко использовались термины «первобытный», «отсталый». Так, обращали внимание на обилие в городах деревянных, а не каменных строений³⁹, использование в домах диковинного для французов первобытного материала для освещения – лучины, за которой надо было все время следить, чтобы не случился пожар⁴⁰. Несмотря на то, что в целом описания жилищ крестьян Польши и Литвы не были подробными, основные характеристики свидетельствуют о том, что они соответствовали образу этих территорий, сформированному в предыдущие эпохи. Для многих жилых помещений основными эпитетами стали грязь, темнота и вонь.

Мемуаристы оставили не много описаний особенностей местной (польской и литовской) пищи, кроме упоминаний того, что на территории бывшей Речи Посполитой питание их было довольно скудным. Однако можно найти и несколько своеобразных зарисовок. Хирург Великой армии Д.Ж. Ларрей отмечал особенности найденного в окрестностях Вильно шнапса, который он назвал местной водкой. Этот напиток, сделанный из зерна с «добавлением наркотических веществ» (каких именно, он не уточнил), привел к гибели большого количества новобранцев молодой гвардии. Медик Ларрей подробно описал эффект, производимый шнапсом на солдат. По его словам, если не иметь привычки к употреблению этого напитка, то мускулы человека могут потерять способность сокращаться, начнется головокружение, нападает сонливость, глаза становятся полуоткрытыми, мутными, начинают слезиться и наливаются кровью, человек скрючивается на обочине или прямо на дороге, где и умирает почти тотчас же, у многих на ступнях и икрах появились гангренозные пятна⁴¹. Схожим образом опишет Сегюр воздействие так-

³⁷ Наполеон в России глазами иностранцев. Кн. 2. С. 342.

³⁸ См. об этом тетрадь, подготовленную французской разведкой для Наполеона накануне кампании 1812 года: Service historique de la Défense, Département Armée de terre, 1 M. 1488, Russie 1811–1812 (II). Gouvernement de Moskva.

³⁹ «Молодечно, как и все польские города, выстроено из дерева, большая часть города сожжена благодаря похвальной привычке наших солдат; каждый вечер они что-нибудь поджигают: то желая нагнать печи, то разводя бивачные огни слишком близко от строений». – Наполеон в России глазами иностранцев. Кн. 2. С. 302.

⁴⁰ Там же. С. 343.

⁴¹ Larrey D.J. Mémoires de chirurgie militaire, et campagnes de D.J. Larrey. P., 1817. T. 4. P. 10.

же на молодых солдат русской водки, найденной французами после взятия Смоленска⁴².

В мемуарах можно встретить довольно много описаний гражданского населения территорий, через которые проходила Великая армия. Солдаты Наполеона встречали представителей различных национальностей, выходцев из различных слоев общества. Эти описания также были сделаны под влиянием сложившихся ранее предубеждений и стереотипов восприятия. Как уже говорилось, заранее предполагалось, что поляки и литовцы – союзники Великой армии, поэтому, как отмечали многие солдаты особенно в начале кампании, местные жители в целом были «благорасположены»⁴³ к французам, при этом поляки в большей степени, нежели литовцы.

Одновременно мемуаристы, формируя историческую память о походе и создавая цельный образ территорий Польши и Литвы, ставили перед собой задачу определить характерные черты, отличающие население этих территорий от «цивилизованных» европейцев. Таковыми стали в первую очередь бедность, нищета и отсталость польских и литовских крестьян. В материалах французской разведки, составленных накануне войны на основе как агентурных донесений, так и опубликованных источников XVIII – начала XIX в., можно встретить критическое отношение к полякам и литовцам. Авторы этих документов подчеркивали невежество литовцев, грубость их нравов, нечувствительность к нужде и лишениям. Сходным образом оценивали и поляков⁴⁴.

Яркой чертой, характеризующей варварские племена, считался распространенный в Польше так называемый польский колтун (*Plica Polonica*) – болезнь кожи головы и волос, в результате которой волосы образуют сплошную спутанную, спекшуюся массу. Л. Вульф отмечал, что в сочинении английского путешественника У. Кокса, который посетил Польшу в 1784–1785 гг., эта болезнь называется наследственной, обусловленной тесной связью происхождения поляков от скифов⁴⁵. Врач Великой армии Роос также упоминал эту «характерную» для поляков особенность и выдвинул очень похожее объяснение происхождения этой «болезни» (вложенное в уста польского священника) – нездоровый климат, нечистоплотность, невежество населения⁴⁶. Однако главный хирург Великой армии Д.Ж. Ларрей, также упоминавший в своих мемуарах об этой специфической болезни, связывал увиденные им случаи заболевания, которое местные медики

⁴² *Séjour Ph.P. Histoire de Napoléon*. P., 1824. Т. 1. P. 222.

⁴³ Наполеон в России глазами иностранцев. Кн. 1. С. 55.

⁴⁴ *Statistique des gouvernements de Vilna et Grodno*. P. 82.

⁴⁵ *Вульф Л.* Указ. соч. С. 70, 71.

⁴⁶ *Роос Г.У.* Указ. соч. С. 14–15.

описывали как колтун, с застарелыми венерическими инфекциями, лечить которые, соответственно, надо было с помощью ртутных мазей, сбривая все колтуны. По утверждению Ларрея, именно местные профессора настаивали на том, что это заболевание носит специфический региональный характер, тогда как французские медики и он сам в том числе полагали, что это, как правило, просто запущенные иные болезни⁴⁷. Возможно, мнение столь влиятельных лиц, как хирург Ларрей, оказало определенное влияние на творчество других мемуаристов, и потому упоминания о польском колтуне встречаются в мемуарах участников похода 1812 года не очень часто.

Значительную часть населения бывшей Речи Посполитой составляли евреи. Судя по воспоминаниям солдат армии Наполеона, именно с ними завоеватели устанавливали подчас более тесный контакт, чем с другими народами. Роос вспоминал, что, когда Великая армия вела наступление от границы к Вильно, евреи, в отличие от литовцев, не покидали своих домов и не бежали при приближении армии⁴⁸. Именно их французы часто пытались использовать в качестве проводников, а также поставщиков необходимых материалов. А. Бейль, став главным интендантом трех округов (Смоленского, Могилевского и Витебского), просил своего подчиненного Феске, интенданта Могилева, прислать в Смоленск несколько богатых евреев, чтобы договориться с ними о поставках⁴⁹. Об участии евреев в снабжении армии писал и другой чиновник интендантского ведомства, чье имя осталось нам неизвестным⁵⁰. Отчасти обращение именно к еврейскому населению было вызвано тем стереотипным представлением, что по всей Европе традиционно именно представители этого народа часто выступали поставщиками всех армий. Однако если в начале кампании жители местечек довольно охотно шли на контакт с представителями Великой армии, то по мере того, как в западных губерниях начала формироваться новая польско-литовская администрация, многие иудеи стали опасаться возврата к более дискриминационным, по сравнению с Российской империей, порядкам, существовавшим в Речи Посполитой до ее раздела. Поэтому постепенно еврейские общины стали все более явно склоняться к сопротивлению французским оккупационным силам и открыто выражали поддержку русской армии и властям⁵¹.

⁴⁷ Larrey D.J. Mémoires de chirurgie militaire... Т. 4. Р. 15.

⁴⁸ Наполеон в России глазами иностранцев. Кн. 1. С. 55.

⁴⁹ Стендаль. Соб. соч. в 15 томах. Том 15. С. 119.

⁵⁰ Lettres interceptées par les Russes. Р. 113.

⁵¹ Фельдман Д.З. О патриотизме российских евреев в Отечественной войне 1812 г. // Военский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации. Вологда, 2000. Ч. 2. С. 116–117 и далее.

При этом внимание французов к евреям как возможным поставщикам часто сочеталось с довольно пренебрежительным к ним отношением. Например, чиновник интендантского ведомства Ф.Л. Рео сообщал жене 10 ноября, что живет в грязной лачуге у «отвратительных евреев», единственных обитателей оставленных населением городов⁵². Участники кампании писали о них свысока, презирая за нечистоту, неопрятность, бедность жилищ⁵³. При этом к увиденному собственными глазами приравнивался пласт существовавших в Европе представлений и стереотипов об этом народе, формировавшихся в течение долгого времени.

Так, эпитеты «грязный», «мерзкий», «вонючий» (которые встречаем и у участников похода) использовались для отделения себя от еврея – инородца, иноверца, чужого, но при этом живущего по соседству, и исторически не всегда в сознании европейских народов связывались исключительно с гигиеной. Так, убежденность в том, что от евреев исходит «зловоние», являлась общеевропейским стереотипом, восходившим к Средневековью. Происхождение еврейского «дурного запаха» связывалось европейцами с событиями библейского Исхода, когда евреи нарушили запрет брать посланных им куропаток про запас. Припасенные птицы испортились, отсюда якобы и произошло зловоние, сохранившееся затем у представителей народа на протяжении веков⁵⁴. К библейским сюжетам обращались и солдаты Великой армии. Так, фон Иелин полагал, что евреи страдают от «огромного количества паразитов» еще со времен египетского плена и заражают ими соседние народы, в частности поляков⁵⁵.

Участники похода отмечали традиционные профессии евреев и прежде всего торговлю как основной род занятий. У многих авторов еврей-торговцы наделены отрицательными чертами – жадностью, алчностью, беспринципностью. Использовались такие нелестные эпитеты, как «торгаши», «барышники»⁵⁶. Так, лейтенант Х.Л. фон Иелин, вспоминая свое пребывание в госпитале в Вильно во время отступления, писал, что евреи, «не гнушаясь ничем», скупали одежду умерших французов и разносили таким образом заразу⁵⁷. Бургонь рассказывал о том, как евреи пытались обмануть

⁵² *Lettres interceptées par les Russes*. P. 254.

⁵³ *Ibid.* P. 254; Наполеон в России глазами иностранцев. Кн. 1. С. 55; *Ложье Ц.* Указ. соч. С. 13.

⁵⁴ См.: Белова О.В., Петрухин В.А. «Еврейский миф» в славянской культуре. М., 2008. С. 266, 274, 276, 277.

⁵⁵ *Иелин Х.Ф. фон.* Записки офицера армии Наполеона // Роос Г.У. С Наполеоном в Россию: записки врача Великой армии. М., 2003. С. 187.

⁵⁶ *Иелин Х.Ф. фон.* Указ. соч. С. 182.

⁵⁷ Там же. С. 186.

его при обмене банковских билетов на деньги, и только силой и угрозами французы заставили махинаторов выдать им положенную сумму⁵⁸.

При этом из многих мемуаров следует, что подчас без помощи евреев завоевателям пришлось бы трудно. Как уже было выше отмечено, евреев нередко и вполне успешно использовали как поставщиков товаров и услуг для армии⁵⁹. Взаимодействие с евреями облегчалось и тем, что многие из них знали немецкий или говорили на идише, который немцам было легко понять⁶⁰. Евреев использовали как проводников по неизвестным территориям. У них останавливались на ночлег, на обратном пути из России часто именно у них изголодавшиеся солдаты находили приют, могли получить немного хлеба или другой провизии. Общение с евреями было подчас настолько тесным, что мемуаристы даже писали о восприятии традиций иудеев. Так, де ла Флиз вспоминал, что из-за тесных контактов с евреями французы начали печь «лепешки на угольях, нечто похожее на те хлеба, которые евреи приготовили при переходе через Красное море»⁶¹. Таким образом, евреи, несмотря на ряд приписываемых им отрицательных черт и стереотипов, при формировании которых нередко использовались ветхозаветные образы, предстают в воспоминаниях солдат Великой армии скорее союзниками или помощниками Наполеона, чем его действительными врагами в этой войне.

Географические черты и климат Польши и Литвы

В рамках ментальной географии участников похода территории бывшей Речи Посполитой имели несколько определений. Четко можно проследить, что западные губернии России определялись как Русская Польша или Литва и несколько выделялись из остальной империи⁶². Одновременно некоторые мемуаристы приписывали региону восточные, азиатские черты. Один из них вспоминал, что песчаные дороги в окрестностях Вильно напоминали солдатам, видевшим Пирамиды, египетские

⁵⁸ *Bourgogne A.J.B.* Mémoires du sergent Bourgogne. 1812–1813. P., 1910. P. 238.

⁵⁹ *Стендаль*. Собр. соч. в 15 томах. Т. 15. С. 119; *Lettres interceptées par les Russes*. P. 113.

⁶⁰ *Castellane B. de*. Journal du maréchal de Castellane: 1804–1862. T. 1. 1804–1823. P., 1895. P. 116; *Флиз де ла*. Указ соч. С. 18.

⁶¹ Там же. С. 8–9. Тема влияния чужих традиций на участников похода 1812 г. широко распространена в мемуарах. Многие писали о том, что по мере продвижения вглубь России солдаты наряжались в шубы и просто звериные шкуры. Облачаясь в местную одежду, Великая армия сама приобретала некоторые варварские черты, в частности, внешний вид. См.: *Les cahiers du capitaine Coignet (1799–1815)* / Publ. par Lorédan Larchey. P., 1883. P. 324, 327; *Caulaincourt A.* Mémoires du général de Caulaincourt, duc de Vicence, Grand écuyer de l'Empereur. P., 1933. T. 2. P. 73; *Иелин Х.Ф. фон*. Указ. соч. С. 159.

⁶² *Иелин Х.Ф. фон*. Указ. соч. С. 192.

пустыни⁶³, а другому запомнились «громадные степи» Польши⁶⁴. Граф де Сегюр также отмечал, что сразу же после перехода через Неман солдаты увидели «бесплодные пески, пустынную местность и мрачные угрюмые леса»⁶⁵.

Многие мемуаристы склонялись к тому, что после пересечения границы и продвижения на восток армии приходилось преодолевать сопротивление природы и переживать трудности, которых солдаты Наполеона не встречали ранее. «...Здешний край не Австрия и не Италия! Местность дикая, дороги непроходимые; каждый день нам приходится бороться со всевозможными затруднениями, испытывать усталость, превосходящую силы человеческие»⁶⁶, – писал де ла Флиз.

На описания климата Польши и Литвы, пожалуй, больше, чем на что-либо другое, повлияли сформированные заранее представления (в прессе и предшествующей публицистике) о суровом российском климате. Его особенности автоматически приписывались и соседним территориям. Все это, безусловно – осознанно или бессознательно, – учитывалось авторами мемуаров. Например, Г.У. Роос, создавая воспоминания о походе, вкладывал в уста протестантского пастора, повстречавшегося ему на территории Польши, предупреждение, адресованное солдатам Наполеона: по мере продвижения в Россию они почувствуют, насколько суровы там холода. «Он заранее жалел нас»⁶⁷, – подытоживал автор.

Хотя самые тяжелые воспоминания французов о суровых холодах связаны с возвращением армии из Москвы, многие участники похода писали о том, что уже в самом начале кампании, после перехода через Неман, их застала страшная буря, сопровождавшаяся градом и даже снегом. Куанье писал, что 29 июня от холода, снега и града пало 10 тыс. лошадей. Эта цифра стала своеобразным символом больших потерь и встречается также в других мемуарах⁶⁸. Пьон де Лош вспоминал свое участие в походе: в конце июня на территории Польши «холодные дожди убивали лошадей и делали дороги непроходимыми». Он задавался вопросом – если

⁶³ Флиз де ла. Указ.соч. С. 54. О «сходствах» между Литвой и Египтом врачу де ла Флизу мог рассказать главный хирург Великой армии Д.Ж. Ларрей, действительно побывавший в Египте вместе с Наполеоном. В мемуарах самого Ларрея аналогичного сравнения нет, но Египетский поход он нередко вспоминает при описании событий 1812 года.

⁶⁴ Наполеон в России глазами иностранцев. Кн. 2. С. 411.

⁶⁵ Сегюр Ф.П. де. Указ. соч. С. 34.

⁶⁶ Флиз де ла. Указ. соч. С. 17.

⁶⁷ Роос Г.У. Указ. соч. С. 13.

⁶⁸ Колобакин Б.М. 1812-й год. Воспоминания офицера французского кирасирского 2-го полка о кампании 1812-го года. М., 1912. С. 4.

тут так холодно летом, то что ждет их осенью и зимой?⁶⁹ Ц. Ложье в том, что погода испортилась прямо с момента перехода через Неман, увидел грозное и «печальное» предзнаменование⁷⁰. Суровую стихию, ставшую как будто прологом для будущих несчастий Великой армии, вспоминали и другие мемуаристы⁷¹.

В подобного рода заявлениях заметно влияние наполеоновской пропаганды конца войны: суровый российский климат, а вовсе не плохо налаженное снабжение, признавался главным победителем Великой армии в последних бюллетенях, выпущенных в России⁷². В мемуарах также нередко можно встретить утверждения, что Наполеон, несмотря на свои таланты, потерпел поражение, так как был обманут «незнанием края» и особенностей климата⁷³. Так, например, Бургонь упоминал встречу с офицером – выходцем из Франции на русской службе, который, испытывая симпатию к своим соотечественникам, говорил о том, что «не сила оружия сломала» Великую армию, а «лютые русские морозы»⁷⁴.

В то же время другие мемуаристы, которые более трезво оценивали причины поражения Великой армии, подчеркивали при описании климата Польши, Литвы и России, что к холодам следовало лучше готовиться; к тому же в целом климат этой местности не столь уж сильно отличался от привычного для солдат Великой армии⁷⁵. Достаточно четко выразил главную причину большого числа жертв в Великой армии от морозов де Ла Флиз: «Природа всех жителей Европы одна и та же. Главная причина гибели Великой армии не морозы, а отсутствие теплой одежды и сытного питания, что в условиях холодов совершенно недопустимо»⁷⁶.

Таким образом, никто из мемуаристов не опровергал первостепенного значения погоды в поражении Великой армии в России. Но одни авторы концентрировали внимание читателя на стихийных факторах, другие отмечали, что холодная зима не должна была стать сюрпризом для французов, и потому большие потери от обморожения стали скорее следствием недостаточной подготовки к суровому сезону. Таким образом, эти критики косвенно выдвигали обвинение в большом количестве жертв против французского командования.

⁶⁹ Наполеон в России глазами иностранцев. Кн. 1. С. 56.

⁷⁰ Ложье Ц. Указ. соч. С. 15.

⁷¹ Роос Г.У. Указ. соч. С. 18; Колобакин Б.М. Указ. соч. С. 2–3.

⁷² См. 28-й бюллетень от 11 ноября в: *Moniteur Universel* 1812. № 334; и особенно 29-й бюллетень от 3 декабря в: *Moniteur Universel* 1812. № 352.

⁷³ Флиз де ла. Указ. соч. С. 18.

⁷⁴ Бургонь А.Ж.Б. Указ. соч. С. 139.

⁷⁵ *Caulaincourt A. Mémoires*. Т. 2. П. 42, 54; *Castellane B. de. Journal...* Т. 1. П. 180.

⁷⁶ Флиз де ла. Указ. соч. С. 60.

Описания мемуаристами природы и животного мира Польши и Литвы также испытали на себе влияние уже имевшихся представлений. Территории эти в воспоминаниях солдат предстают сплошь покрытыми лесами – «удручающими» своими пространствами хвойными лесами Польши⁷⁷; мрачными, угрюмыми лесами вокруг Немана⁷⁸, огромными лесами Литвы, среди которых лишь изредка можно встретить селения⁷⁹. Описывая животный мир этих территорий, многие мемуаристы подчеркивали, что это варварские, дикие земли, вследствие чего и дикие звери – медведи, волки, рыси – водятся там в большом количестве. И донесения французской разведки накануне войны изображали Литву следующим образом: это дикая страна, покрытая лесами, где можно встретить множество медведей, волков, лосей, диких быков (европейских бизонов), рысей, орлов, грифов⁸⁰. Продвигаясь по этим территориям, вспоминал Бургонь, солдаты постоянно подвергались опасности быть растерзанными волками или медведями, во множестве водившимися в литовских и польских лесах⁸¹.

Одновременно мемуаристы вспоминали, что местные жители извлекали выгоду из этого: как о диковинном аттракционе, варварском и привлекательном одновременно, вспоминал де ла Флиз о «медвежьей академии» в Сморгони (то есть школе дрессировки этих животных) – заведении легендарном, основанном в XVII в. польскими магнатами Радзивиллами⁸². Подробное описание этого «учебного заведения» можно встретить и в воспоминаниях капитана (на тот момент) Вислинского легиона Августа Генриха фон Брандта⁸³. Брандт ссылался на Вольтера, который с иронией писал о том, что в Польше только два знаменитых университета – в Кракове, где воспитывают священников (Ягеллонский университет), и в Сморгони, где «воспитываются» медвежата. «Удивительно, сколь велико число медведей, поставляемых и сегодня из литовских лесов», – замечает Брандт. «Медвежья академия» ассоциировалась с дикостью, грубостью, звериной силой и мощью. Как писал Брандт, в Польше было принято говорить о brutальных юношах, что они получили образование в Сморгони⁸⁴.

⁷⁷ Роос Г.У. Указ. соч. С. 20.

⁷⁸ Сегюр Ф.П. де. Указ. соч. М., 2002. С. 34.

⁷⁹ Колобакин Б.М. Указ. соч. С. 3.

⁸⁰ Statistique des gouvernements de Vilna et Grodno. P. 80.

⁸¹ Бургонь А.Ж.Б. Указ. соч. С. 148.

⁸² Этот исторический сюжет отражен на гербе города Сморгонь – черный медведь, стоящий на задних лапах и держащий в передних герб Радзивиллов.

⁸³ Aus dem Leben des Generals der Infanterie dr. H. v. Brandt. B., 1870. S. 486, 487.

⁸⁴ Ibid.

* * *

Созданный участниками похода образ Польши и Литвы, таким образом, формировался под воздействием: 1) уже имевшихся представлений о регионе – концепциях Восточной Европы века Просвещения, распространенных стереотипов о проживающих на этой территории народах; 2) наполеоновской пропаганды о войне в целом; 3) личных воспоминаний участников похода. В XIX в. территории, которые позже получают название Восточной Европы, активно «осваивались» европейцами – этнографический и политический интерес подогревался тем, что имевшаяся информация была фрагментарна, наполнена устойчивыми, сформированными ранее, иногда фантастическими, представлениями. Ряд этих представлений сложился под воздействием наиболее распространенных источников сведений о том или ином народе. Так, самым доступным источником информации о евреях всегда была Библия, и потому в описаниях представителей этого народа участники войны 1812 г. использовали стереотипы, нередко восходящие к Ветхому Завету, тогда как о «варварских» народах, к которым относили, хотя иногда и с оговорками, поляков и литовцев, а также русских, рассказывали с использованием различных клишированных представлений, восходящих к античной литературе.

Безусловно, на восприятие Польши и Литвы и последующее создание текстов воспоминаний оказали влияние представления о России в целом как варварской, полудикой, опасной стране, которая негативно воздействует на подвластные ей территории, вследствие чего жители этих земель поработены и страдают. В соответствии с этим и война против России оправдывалась идеей распространения «цивилизации» и борьбы за свободу угнетенных народов – поляков и литовцев. В этом смысле широкое распространение мемуаров о войне 1812 года способствовало популяризации подобных образов Польши и Литвы в самых широких слоях общественного мнения всей Европы. Воспоминания об этих странах стали частью формировавшейся исторической памяти о походе Наполеона в Россию.